

Человек оглядывающийся (экзистенциальная онтология Р. М. Рильке)

Н. А. Смирнов

преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков,
Казанский кооперативный институт. Россия, г. Казань. E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой опыт прочтения «Сонетов к Орфею» Р. М. Рильке и попытку сформулировать основные положения экзистенциальной онтологии, которая выражается в поэтической философии Рильке через образ Орфея. Эта онтология раскрывается через феноменологию оглядывающегося взгляда как специфически человеческого, повседневного способа восприятия реальности и взгляда преображенного, являющегося единством восприятия и воспринимаемой реальности. Актуальность данного исследования в том, что философское содержание творчества Рильке остается малоизученным. Автор статьи предполагает, что философия Рильке может быть рассмотрена как самостоятельная, имеющая свои специфические особенности форма неклассической экзистенциальной онтологии. Через вопрос о сущности человеческого существования (как особой формы сущего) в ней раскрывается вопрос о сущности существования вообще. Методологической основой работы является комплекс феноменологических и герменевтических методов, в первую очередь, герменевтика события, представленная в работах русского философа В. В. Библихина, а также в поэтической философии позднего Хайдеггера. Образ Орфея рассматривается автором статьи как образ подлинного существования, отличного от повседневного, привычного, «естественного». Целью работы было раскрытие и описание этого образа как онтологической формы, являющейся проявлением внутренней сущности жизни. Самый общий человеческий опыт – опыт существования как такового, восприятия жизни в целом – воплощается в поэтической философии Рильке. Ключевая проблема здесь – отношение к некоей исходной полноте. Движение, которое возвращает человека к этой изначальной неподдельности существования – жертва, он должен раствориться в бытии, чтобы не оглядываясь, как бы впервые встретиться с абсолютной новизной существования.

Ключевые слова: преображение, взгляд, оглядка, разлука-неразлучность.

Образ Орфея – один из центральных в поэтическом философствовании Р. М. Рильке. Образ этот проходит большой путь – от раннего стихотворения «Орфей. Эвридика. Гермес» до «Сонетов к Орфею». Его философскому осмыслению посвящены работы многих мыслителей – К. А. Свасьяна [15; 16], З. А. Миркиной и Г. С. Померанца [6; 8], А. В. Михайлова [7]. В данной статье мы рассматриваем, в первую очередь, экзистенциально-онтологический смысл эволюции этого образа в творчестве Рильке, а более конкретно – сам переход от одного понимания Орфея к другому.

В двух этих лирических трактатах представлены не просто две различные интерпретации одного образа, но описаны две коренные формы человеческого существования, два онтологических положения, в которых может находиться человек и которым соответствует та или иная направленность его жизни и восприятия.

Орфей раннего стихотворения – Орфей оглянувшийся, не выдержавший разлуки, не перешедший разлуку и оказавшийся навек разлученным с возлюбленной.

Орфей «Сонетов...» – поющий бог, преображающая и воскресающая сила. Внутренняя музыка мира, проникнутого нежностью.

Орфей стихотворения не сумел преодолеть онтологического различия, расстояния, стоявшего за их расставанием, и утвердил тем самым смерть, подтвердил ее, зафиксировал своим взглядом, обращенным назад.

«Этот твердый, как бы крепко сбитый, торопящийся, забегающий вперед самого себя человек недостаточно погружен внутрь... в нем слишком крепка форма. Она еще слишком довлеет самой себе...» – так описывает Орфея раннего стихотворения З. Миркина в своей работе о Рильке [6, с. 19].

Царство мертвых – это царство разлуки. Смерть – это абсолютное расставание, утверждающееся и побеждающее. Онтологическое расстояние, различенность, разделенность, врезавшееся в жизнь и подчинившее ее себе. Оглядка – это взгляд, обращенный к смерти, фиксирующий смерть, свидетельствующий смерти, полагающий ее своей темой и единственной

воспринимаемой и переживаемой реальностью. Оглядка основывается на расстоянии, подтверждает и выражает его, тем самым отделяя себя от жизни (смерть – отделение от жизни), разделяя жизнь и смерть (то есть создает смерть, создает разделение). Оглядка – это разлука взгляда и предмета, к которому он обращен, разлука жизни и ее восприятия.

Орфей «Сонетов...» – победивший смерть, преодолевший разлуку. Воплощенная нежность, царство слияния, в котором неразличны, неразлучны восприятие и воспринимаемое, жизнь и переживание жизни. Во втором сонете первой части удивительно выражена эта вложенность мира в воспринимающий взгляд и слух:

«Почти как девочка... Разбрызганная трель
в согласном счастье голоса и лиры,
сквозь ткань весны она блеснула миру
и в ухо мне легла, постлав постель.
и стала сном во мне. И сном ее
стал целый мир, притихший на мгновенье:
луга, деревья, дали и мое
вдруг замершее стоя изумленье» [13].

Мир – это девочка, которая стелет постель во мне и спит. Девочка – реальность, все происходящее с нами; постель, которую стелет девочка, – восприятие, взгляд, слух, сердце, восприятие в целом. Все вместе – безоглядное единство жизни-неразлучности, противоположное оглядке-разлуке из раннего стихотворения.

Образ Орфея, по-разному представленный в этих двух текстах, описывает онтологическую ситуацию, в которой находится человек. Он зажат между этими двумя формами онтологической расположенности – оглядкой, свидетельствующей и утверждающей Разлуку (и смерть как воплощенную и предельную Разлуку), и безоглядной Неразлучностью поющего Орфея.

Говоря об этих двух формах, нельзя однозначно утверждать, что одна является иллюзорным существованием, а другая – подлинным. Нельзя перейти от одной формы к другой, приложить к этому какое-то усилие. Различие между ними – это не различие между двумя состояниями человека (двумя состояниями сознания), но скорее различие между двумя формами существования вообще. Одна – восприятие жизни (отделяющее себя от нее), а другая – сама жизнь, вкладывающая себя в восприятие, взаимно растворяющаяся в нем. Человек закручен во мгновение вихря, одномоментность, точечность которого создается динамикой Разлуки и Неразлучности. Воспринимая жизнь (и далее, думая о ней, формируя представления о жизни, оценивая, интерпретируя и т. д.), мы оглядываемся на нее, тем самым разлучаясь с ней, и в то же время сама жизнь остается неразлучна с нами (как преображающая и обновляющая песнь Орфея).

Двойственность, нетождественность самой себе, разделенность – суть Разлуки как специфически человеческой формы существования, как сущности человека. Это, с одной стороны, двойственность самой Разлуки (оглядки), двойственность восприятия жизни, а с другой стороны – двойственность, разделенность Разлуки и Неразлучности, их неравность и сопряженность, нетождественность жизни и ее восприятия и тождество жизни самой себе.

«Жилистость и гнет, узда и травля,
миг еще – и все укрощено.
Путь и поворот. Но шпоры правят.
Снова даль. И двое суть одно» [13].

Когда я оглядываюсь, создается различие между: 1) взглядом и тем, на что он смотрит (это различие и есть оглядка); 2) оглядкой и безоглядностью. Всякий взгляд – это взгляд оглядывающийся. Вообще человеческий взгляд так устроен: наше внимание, наше восприятие действительности есть внимание оглядывающееся, запаздывающее, не застающее реальность. Мы не поспеваем за жизнью, за тем, что происходит с нами сейчас, мы замечаем и переживаем только уже произошедшее. Можно сказать, что сама возможность заметить что-то предполагает, что это что-то должно стать прошлым. Сознание может быть направлено только на статические состояния и формы. Жизнь протекающую, происходящую в настоящем, увидеть невозможно. Видеть можно только то, что утратило жизнь, перестало быть настоящим. Это – условие самого видения. Живое представляет собой движение, за которым не поспевает взгляд. Этим живым движением одновременно движется оно само (то, чего мы не можем видеть) и создается то, что мы можем замечать и схватывать. Все, что мы видим, преобразуем, имеем и т. д., – это след, оставляемый живой реальностью в момент ускользания от

нашей хватки, исчезновения из поля зрения. Реальность в целом, существование как такое – это движение ускользания, исчезающее, но оставляющее след. Живое не может попасть в перспективу нашего присваивающего взгляда. То, что попало в пределы этой перспективы, попало туда потому, что стало мертво.

В этом смысле у Рильке (в раннем стихотворении) Орфей оглядывается на Эвридику: он оставляет ее навсегда в царстве мертвых тем, что оглядывается.

Оглядка сделала невозможным спасение, а значит, сделала возможной смерть. Она интенционально обращена к смерти – как бы создает смерть или пространство, в котором возможна смерть. То есть утверждает разлуку как внутреннюю суть человеческого существования. Мы не можем дотронуться до реальности, увидеть ее, представить ее, не оглянувшись, не разлучившись с ней (отделившись и потеряв ее).

Лирическая онтология Рильке – одна из многих точек пересечения поэзии и философии. По крайней мере, начиная с немецких романтиков, поэтическое слово является самостоятельной формой философствования. Одна из вершин этого философско-поэтического пути – неклассическая (экзистенциальная) онтология XX века. В отечественной философской традиции эта линия была ярко и самобытно осмыслена в работах В. В. Библихина [2; 3; 4] и О. А. Седаковой [17]. Из последних работ по феноменологической и герменевтической проблематике некоторые движения нашей мысли подсказаны работой А. В. Ямпольской «Искусство феноменологии» [21].

На наш взгляд, онтологическая интуиция Рильке имеет две наиболее точных и близких философских ассоциации. Первая – это философия А. Бергсона. В основании его размышлений о длительности лежит интуиция радикального, онтологического различия между подвижной, динамической реальностью и человеческим восприятием реальности, которое, по своей сути, таково, что оно всегда схватывает некую статическую предметную определенность. Живая реальность ускользает от этого схватывающего взгляда подобно тому, как длительность не укладывается в привычки пространственного понимания времени [1]. Вторая философская ассоциация – это философия позднего Хайдеггера, представленная в русских переводах в сборниках «Время и Бытие», «Работы и размышления разных лет» и «Разговор на проселочной дороге», в которых ключевым образом становится образ События [18; 19; 20]. Реальность – это Событие, нечто, происходящее помимо нас и застигающее врасплох. Нельзя поймать взглядом начало события, нельзя увидеть его перед собой, но только – оглянуться, когда оно уже произошло.

Герменевтика события позднего Хайдеггера получает развитие в творчестве современного французского философа-феноменолога Клода Романо. Для него Событие – реальность, делящаяся между непредставимым (нескладывающимся в череду причин и следствий) прошлым и непредставимым (непрогнозируемым) будущим, как бы приходящая из ниоткуда и уходящая в никуда. Экзистенциальную аналитику смерти, описанную Хайдеггером, Романо дополняет аналитикой рождения. И то, и другое – события, которые принципиально не могут быть схвачены, не могут быть тождественны мысли. Движение жизни – динамика приходов и уходов (у нас, вслед за Рильке, – разлуки и неразлучности), всегда остающаяся за пределами всех мыслимых возможностей.

«Изменить возможное как таковое, поколебать основания мира и сотворить новый мир для того, к кому оно приходит: таково феноменологическое содержание всякого подлинного события... Событие есть нечто такое, смысл чего ни в коей мере не может быть прояснен в горизонте предшествующего смысла, оно есть то, что несет в себе и приносит с собой собственные интерпретативные возможности, исходя из которых оно только и может быть понято – сугубо ретроспективным образом» [14, с. 71].

Событие всегда настигает нас в точке поворота внимания, изменения способа восприятия реальности. Когда мы говорим, вслед за Хайдеггером и К. Романо, что происходящее с нами есть событие, то отмечаем тем самым тот онтологический факт, что мы не можем встретить происходящее лицом к лицу, в положении равенства, тождества, но замечаем, когда оно уже случилось, в точке возникновения различия, онтологического расстояния, нетождественности восприятия и воспринимаемого. Поэтому, обращаясь уже к поэтическому языку Рильке, можно сказать, что происходящее с нами и нами переживаемое – это всегда оглядка, обращение внимания, «поворотный момент» (у Рильке буквально – «поворотная точка», «wendenden Punkt»), в котором мы не успеваем за движением реальности.

«О, возжелай превращения! О, полюби огневое!
То, что ты кличешь огнем, есть только блеск перемен;
живописующий дух, кто мастерит все земное,
любит в порыве рисунка лишь поворотный момент» [13].

Единственная форма, в которой мы можем увидеть жизнь, – оглянуться. «Поворотная точка» – это не само событие, а то, как мы переживаем и встречаем его – как то, к чему нужно повернуться (обернуться назад). В этой «поворотной точке» во мгновении взгляда (в немецком это одно слово – *augenblick* – чаще переводят как «мгновение»), возникают все те различия, из которых, как нам кажется, и состоит наша жизнь. И в первую очередь, различие начала и конца, расстояние, разлученность как самый общий внутренний, онтологический строй мира, в пределах которого нами переживается все происходящее с нами. Первое различие, вспыхивающее в «поворотной точке» 12-го сонета, – это сама возможность чего-либо. Сама возможность того, чтобы что-то случилось и было замечено нами. В данном случае «случиться» и «быть замеченным» – еще пока одно и то же, но отсюда же, из первой точки, из точки пересечения, эти две параллельные линии впервые расходятся, чтобы больше не сходитьсь никогда и нигде. Расстояние между концом и началом, между восприятием и воспринимаемым возникает в «поворотной точке», и расщепить эту точку, понять ее, «заглянуть за» нее мы не можем. Мы всегда имеем дело только с тем, на что оглянулись. Но вместе с тем, кружась вокруг этой точки, где конец и начало, казалось бы, необратимо расходятся, где Орфей навсегда теряет Эвридику, мы можем задней стенкой сознания почувствовать их неразлученность. Пережить, прожить то мгновение, из которого они расходятся и в которое сходятся. Закрутиться в вихрь, в котором закручиваются они в силовом взаимодействии, взаимном притяжении и отталкивании, в котором начинаются концы и кончаются начала.

«Только забивших ключом всюду признает признание;
и, поведя их, восторженных, сквозь сотворенное славно,
явит в началах концы, а в концах – провозвестье начал» [13].

Из этого вихря возникает оглядывающийся взгляд, разлученный с жизнью, и в этом вихре он встречается с ней вновь. Кружение в этом вихре и есть песнь Орфея, молчавшая в раннем стихотворении и вновь поющая в «Сонетах...».

«У песни истинной – другой налет.
Бесцельный вздох. Дыханье в Боге. Ветер» [13].

Орфей «Сонетов» утратил мнимую уверенность во взгляде (то есть он знает, что взгляд – это только оглядка) и потому не боится «поворотных точек» и их головокружения. Поющий бог – бог метаморфоз и превращений. Поворот, мгновение, непредвиденность – это его стихия. Привычка к непривычному, мастерство неумелости, памятование о незапоминаемом – он счастлив встречать вновь каждое мгновение. Он живет восприятием ослепляющей новизны настоящего подобно тому, как мы живем, оглядываясь на прошлое, познавая и принимая повторяемость явлений.

Как отмечает в своих лекциях о «Дуинских элегиях» и «Сонетах к Орфею» Габриэль Марсель, онтология (и антропология) позднего Рильке – это онтология преодоленного предела. «Человек опережает, превосходит самого себя в качестве отдельного существа, которому свойственно наблюдать, судить, вожделеть и т. п., и осуществляет тем самым свое бытие чистой твари. Это бытие его ширится, расцветает, становится таким образом самим собой» [5, с. 147].

Орфей «Сонетов» ни за что не держится и утверждается в ничто. Он ничего не имеет и никем и ничем не является. Отсюда призыв Рильке – не ставить ему памятника.

«Не воздвигай надгробья. Пусть лишь роза
из года в год цветет ему опять.
Ведь то – Орфей. Его метаморфоза
жива во всем. Мы не должны искать
других имен. Однажды и навеки
все певчее – Орфей...» [13].

Поэтому он больше ни с кем и ни с чем не может быть разлучен. Он пребывает в царстве отсутствия себя – в безусловной, онтологической неразлучности.

Это новое онтологическое положение Рильке описывает как «быть впереди всех разлук»:

«Будь впереди всех разлук, как если бы были
они за тобою, как зимняя эта метель» [13].

Что означает это новое качество, что сказано этой новой песней? Рильке здесь же, в 1 строфе 13 сонета 2 части, поясняет – оказаться впереди всех разлук означает пройти через такую разлук, после которой других разлук (и вообще Разлуки) уже не будет:

«Будь впереди всех разлук, как если бы были
они за тобою, как зимняя эта метель.

Ибо средь зим есть такая одна, что, осилив
холод ее, твое сердце растопит предел» [13].

Кроме обыкновенной зимы, которую мы перезимовываем, чтобы через год встретиться с ней вновь, есть такая, которую можно перезимовать только раз и навсегда, которую невозможно повторить, переход через которую происходит в одном направлении. Пройдя через эту «безграничную зиму», то есть через зиму как таковую, через зиму вообще, мы переживаем, отживаем ее, чтобы больше не проходить. В ней пройдет и закончится она сама. Есть такой опыт разлученности, отлучения, прощания, в котором мы разлучаемся с самой Разлукой (как формой существования). Прощаемся навсегда с нею самой (прощаемся с прощанием). Это последнее (или первое?) разделение, различие, в котором мы отделяемся от различности-разделенности. Расстояние, на котором мы расстаемся с Расстоянием вообще и со всеми расставаниями, возникавшими в нем и на нем основанными.

Эту последнюю Разлук, после которой не будет больше разлук и разлученности, Рильке описывает здесь же, в 13 сонете 2 части.

«Будь вечно мертв в Эвридике – и звучным порывом,
светлым восторгом взойди в чистоту заразлук.

Здесь, средь повиснувших, будь, на грани обрыва,
в звонко разбитом стекле, не стекло будь, а звук» [13].

Слово, переведенное К. А. Свасьяном «повиснувших», у Рильке – «schwindenden», то есть буквально – «исчезнувших». Пройти через эту последнюю Разлук – значит пройти через смерть – Орфей должен умереть вместе с Эвридикой, вступить в царство исчезновения.

Смерть – разлук разлук, из всего происходящего с нами она более всего подобна «бесконечной зиме». «Быть впереди всех разлук» – значит оставить позади себя смерть, оставить позади самого себя. Смерть – исчезновение себя, последний оглядывающийся назад взгляд, который удерживает нас в мире оглядок-разлук. Это граница последней привязанности к тому, что мы считаем своим и собой, к тому, что отстраняет воспринимаемое от восприятия и держит еще их в отношениях собственности и присвоения. «Царство исчезновения» – царство безоглядности, в котором оглядываться уже не на что («я» – это последнее, на что мы еще можем оглядываться, исчезает в смерти). Чтобы Орфей вновь зазвучал, чтобы он мог оставить разлук позади себя, он должен принести себя в жертву. Жертвоприношение – последнее расставание в мире разлук, и первое (оно же единственное) единство в мире неразлучности. Последняя оглядка Орфея – первый звук его песни. Он исчезает в смерти и в этом исчезновении воскресает.

«Здесь, средь повиснувших, будь, на грани обрыва,
в звонко разбитом стекле, не стекло будь, а звук» [13].

Стекло должно вдребезги разбиться, чтобы звучать. Его звучание – в его разбивании.

Это единое событие исчезновения и воскресения. Оказаться «впереди всех разлук» – значит стать причастным к тому, что не имеет ни начала, ни конца, к тому, что не имеет ни расстояний, ни различий, ни частей. Стать причастным к тому, в чем нет частей. Быть частью того, что частей не имеет. То есть некой полноте, которая отменяет тебя самого. Которой нельзя быть причастным, только присоединившись какой-то частью себя. Которой можно стать причастным, только полностью растворившись в ней, только став ею самой. В четвертой строфе 14-го сонета второй части Рильке выражает это при помощи своеобразной игры слов:

«И как к растраченным, так и к смутно таимым
суммам природы, запасам неисчислимым,
бурно причисли себя и число уничтожь» [13].

Причислить себя... и тем уничтожить число. Стать причастным, растворившись, исчезнув. Спасти Эвридику – умерев вместе с ней.

Движение, которое должен совершить Орфей, не может быть *его* движением, не может быть субъективным усилием, тем, что он сделает. Он должен сделать то, что сделать нельзя. Сделать – не делая. Выйти с Эвридикой из царства смерти – не выводя ее оттуда. Не он спустился и вывел ее за собой, а он спустился, погиб вместе с ней, – и вышел, воскрес. Не видя, не

зная, не будучи уверенным в том, что и она выйдет. Она выйдет за ним, если он не будет знать этого, не будет видеть ее, не будет знать ее. Он должен забыть ее, как она забыла его – войти в Лету, в реку беспамятства. Беспамятство – смерть культуры, но жизнь духа. Выйдя из Леты, он встретит Эвридику вновь. Они должны встретиться со всей силой новизны, не протягивая нитей из прошлого. Встретиться не потому, что хотят этого и что-то для этого делают, а встретиться само собой, в самом полном смысле встречи – непредвиденно, внезапно, не зная. Орфей, встретивший Эвридику, Орфей преображения, отказался от жажды владеть, видеть, обладать, взять в свои руки, отследить, зафиксировать, проконтролировать. Он должен просто обнаружить ее на выходе из царства смерти. Внезапно увидеть ее живой. Жизнь нельзя добыть или заслужить, но только получить в дар – не зная, не видя, не оглядываясь.

Об этом говорит и Клод Романо в своей герменевтике рождения как События. Человеческое существование определяется не только конечной направленностью к смерти, но и исходной одаренностью жизнью. Мы не можем *заглянуть за* собственное рождение, не можем присвоить его себе, сделать его собственным выбором и поступком. Жизнь может быть только получена нами в дар, как то, что уже дано, не по нашей воле и знанию. Человеческое восприятие, человеческий взгляд есть нечто, «изначально запаздывающее по отношению к тем возможностям, которые не оно сделало возможными; как погружение в предшествующий ему смысл, который оно не может полностью прояснить; как пронизанное историей, не им начатой. Короче говоря, как определенное в своей сущности учреждающими событиями» [14, с. 60].

Нет пути из смерти в жизнь, путь – это то, что мы видим, когда оглядываемся назад. Знание пути – это оглядка, это тоже смерть, разлука, утрата. На знании путей, способов, шагов, меры и цены основывается расстояние и разлука. Движение Орфея, зачинающее его песню, основывается на незнании, невидении, неспособности сделать. Это движение небытия:

«Будь – но и не-бытия познай непреложность,
где сокровенно твоя прорастает возможность,
прежде чем ты из нее в этот мир изойдешь» [13].

В этом движении, закручивающемся в вихре небытия, мы сдвигаемся вместе с «поворотной точкой». Переживание этого «кружения в вихре» Рильке называет «узнаванием узнавания» (в переводе Свасьяна «признание признания», у Рильке – «erkennt die Erkennung», одно из первых значений глагола «erkennen» – узнавать в смысле узнавать на опыте, постигать в опыте):

«Только забивших ключом всюду признает признание;
и, поведя их, восторженных, сквозь сотворенное славно,
явит в началах концы, а в концах – провозвестье начал» [13].

Узнавание – мгновенный опыт, встреча. Узнавание узнавания – это встреча встреч; встреча как онтологическое событие; предельно точечный опыт, собравшийся вокруг мгновенности существования. Мгновение до первого движения, то, что остается вне поля зрения оглядывающегося взгляда. Орфей «Сонетов...» не знает и не видит, что Эвридика идет за ним (как и каким путем она идет; не знает, что это он выводит ее оттуда), и потому просто внезапно узнает ее, когда она уже вышла. Узнавание – то, как мы видим реальность, когда не оглядываемся на нее. Минимальная, предельно простая граница между оглядывающимся сознанием, разлученным с реальностью, и Неразлученностью. Здесь только, в этой минимальной точке, мы можем видеть, что наша обыкновенная форма восприятия есть оглядывающийся взгляд, и одновременно можем видеть открывшийся горизонт безоглядности. «Узнавание узнавания» вспыхивает в точке встречи с мгновением перехода из смерти в жизнь. Встречи после разлуки. Подобно тому как смерть возникает в точке оглядки на мгновенно возникающее расстояние, на вспыхнувшее переживание разлуки, возникшей «только что» за границами взгляда.

Орфей не может вывести Эвридику из царства разлуки. Он может только встретить ее после разлуки и потому не должен оглянуться. Разлука преодолевается только мгновенностью Встречи.

Список литературы

1. Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь / пер. с фр. И. И. Блауберг. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 399 с.
2. Биbihин В. В. Другое начало. М. : Наука, 2003. 432 с.
3. Биbihин В. В. Мир. СПб. : Наука, 2007. 431 с.

4. Биbihин В. В. Язык философии. М. : Прогресс, 1993. 404 с.
5. Марсель Г. Рильке, свидетель духовного (лекция вторая) / Г. Марсель ; предисл. к публ. Г. М. Тавризян // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 135–159.
6. Миркина З. А. Невидимый собор: О Рильке. Из Рильке. О Цветаевой. Святая Святых / З. А. Миркина ; ред. И. И. Ремизова. СПб. : Университетская кн., 1999. 271 с.
7. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 560 с.
8. Померанц Г. С., Миркина З. А. Работа любви. Лекции, прочитанные на рубеже веков. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 360 с.
9. Рильке Р. М. Дыхание лирики: Переписка с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком. Письма 1926 года / Р. М. Рильке ; сост. и коммент. К. М. Азадовский и др. Москва : Арт-Флекс, 2000. 300 с.
10. Рильке Р. М. Избранные сочинения / Р. М. Рильке ; редкол.: И. Б. Бачкало [и др.]. М. : Рипол Классик, 1998. 701 с.
11. Рильке Р. М. Проза. Письма = Prosa. Briefe : пер. с нем. / Р. М. Рильке ; сост. М. Рудницкий. Харьков ; М. : Фолио : АСТ, 1999. 601 с.
12. Рильке Р. М. Сонеты к Орфею / пер. с нем., вступ. ст. З. А. Миркиной. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. 61 с.
13. Рильке Р. М. Сонеты к Орфею / Р. М. Рильке ; пер. с нем. К. А. Свасьяна // Стороны света: литературно-художественный журнал. № 11. URL: <http://www.stosvet.net/11/svasyan> (дата обращения: 19.06.2019).
14. Романо К. Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события. М. : РИПОЛ Классик, 2017. 220 с.
15. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: (критика и анализ) / отв. ред. А. В. Гулыга. Ер. : Изд-во АН АрмССР, 1980. 226 с.
16. Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ер. : Изд-во АН Арм. ССР, 1987. 199 с.
17. Седакова О. А. Апология разума. М. : МГИУ, 2009. 138 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Биbihина. М. : Республика, 1993. 447 с.
19. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет : сборник / М. Хайдеггер ; пер. с нем., сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова. Москва : Гнозис, 1993. 333 с.
20. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : избр. ст. позд. периода творчества / М. Хайдеггер. М. : Высш. шк., 1991. 190 с.
21. Ямпольская А. Искусство феноменологии. М. : РИПОЛ Классик, 2018. 342 с.

The man who looks back (R. M. Rilke's existential ontology)

N. A. Smirnov

teacher of the Department of Humanities and foreign languages, Kazan Cooperative Institute.
Russia, Kazan. E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Abstract. The article is an experience of reading R. M. Rilke's "Sonnets to Orpheus" and an attempt to formulate the main provisions of existential ontology, which is expressed in Rilke's poetic philosophy through the image of Orpheus. This ontology is revealed through the phenomenology of the looking back view as a specifically human, everyday way of perceiving reality and the transformed view, which is the unity of perception and perceived reality. The relevance of this study is that the philosophical content of Rilke's work remains poorly studied. The author of the article suggests that Rilke's philosophy can be considered as an independent form of non-classical existential ontology that has its own specific features. Through the question of the essence of human existence (as a special form of being), it reveals the question of the essence of existence in general. The methodological basis of the work is a set of phenomenological and hermeneutic methods, primarily the hermeneutics of events, presented in the works of the Russian philosopher V. V. Bibihin, as well as in the poetic philosophy of the late Heidegger. The author considers the image of Orpheus as an image of an authentic existence, different from the everyday, habitual, "natural" one. The aim of the work was to reveal and describe this image as an ontological form, which is a manifestation of the inner essence of life. The most general human experience – the experience of existence as it is, of the perception of life as a whole – is embodied in Rilke's poetic philosophy. The key problem here is the relation to a certain initial completeness. The movement that brings a person back to this original authenticity of existence is a sacrifice, and he must dissolve into being, so that without looking back, as if for the first time, he meets the absolute novelty of existence.

Keywords: transformation, look, look back, separation-inseparability.

References

1. Bergson A. *Izbrannoe: soznanie i zhizn'* [Selected: consciousness and life] / transl. from Fr. by I. I. Blau-berg. M. Russian political encyclopedia. 2010. 399 p.
2. Bibihin V. V. *Drugoe nachalo* [Another beginning]. M. Nauka. 2003. 432 p.
3. Bibihin V. V. *Mir* [The World]. SPb. Nauka. 2007. 431 p.
4. Bibihin V. V. *Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. M. Progress. 1993. 404 p.
5. Marseille G. *Ril'ke, svidetel' duhovnogo (lekciya vtoraya)* [Rilke, witness of the spiritual (lecture two)] / Marseille G.; preface to the publ. G. M. Tavrizyan // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1998. No. 1. Pp. 135–159.
6. Mirkina Z. A. *Nevidimyj sobor: O Ril'ke. Iz Ril'ke. O Cvetaevoy. Svyataya Svyatyh* [Invisible cathedral: About Rilke. From Rilke. About Cvetaeva. Holy of Holies] / Z. A. Mirkina ; edited by I. I. Remizova. SPb. University press. 1999. 271 p.
7. Mihajlov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germeneytika* [Favorites. Historical poetics and hermeneutics]. SPb. Saint Petersburg State University, 2006. 560 p.
8. Pomeranc G. S., Mirkina Z. A. *Rabota lyubvi. Lekcii, pročitannyye na rubezhe vekov* [Work of love. Lectures delivered at the turn of the century]. M. ; SPb. Center for humanitarian initiatives. 2013. 360 p.
9. Rilke R. M. *Dyhanie liriki: Peregiska s Marinoj Cvetaevoy i Borisom Pasternakom. Pis'ma 1926 goda* [Breathing lyrics: Correspondence with Marina Tsveyeva and Boris Pasternak. Letters of 1926] / R. M. Rilke ; comp. and comment. K. M. Azadovsky et al. M. Art-Flex. 2000. 300 p.
10. Rilke R. M. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works] / R. M. Rilke ; ed. I. B. Bachkalo [et al]. M. Ripol Classic. 1998. 701 p.
11. Rilke R. M. *Proza. Pis'ma = Prosa. Briefe : per. s nem.* [Prose. Letters = Prosa. Briefe : transl. from German] / R. M. Rilke ; comp. M. Rudnitsky. Kharkiv; M. : Folio : AST. 1999. 601 p.
12. Rilke R. M. *Sonety k Orfeyu* [The sonnets to Orpheus] / translated from German., intr. art. by Z. A. Mirkina. M. ; SPb. Letniy sad. 2002. 61 p.
13. Rilke R. M. *Sonety k Orfeyu* [The sonnets to Orpheus] / R. M. Rilke ; translated from German by K. A. Svasyan // *Storony sveta: literaturno-hudozhestvennyy zhurnal* – Sides of light: a literary-art magazine. No. 11. Available at: <http://www.stosvet.net/11/svasyan> (date accessed: 19.06.2019).
14. Romano K. *Avanturya vremeni. Tri esse po fenomenologii sobytiya* [Adventure of time. Three essays on the phenomenology of an event]. M. RIPOL classic. 2017. 220 p.
15. Svas'yan K. A. *Problema simvola v sovremennoj filosofii: (kritika i analiz)* [The problem of the symbol in modern philosophy: (criticism and analysis)] / resp. ed. A.V. Gulyga. Er. Armenian Academy of Sciences. 1980. 226 p.
16. Svas'yan K. A. *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism]. Er. AS of Arm. SSR. 1987. 199 p.
17. Sedakova O. A. *Apologiya razuma* [Apology of reason]. M. MSIU. 2009. 138 p.
18. Heidegger M. *Vremya i bytie : st. i vystupleniya* [Time and being : art. and performances] / M. Heidegger ; comp., transl., introd. article, comment. and ref. by Vladimir Bibihin]. M. Respublika. 1993. 447 p.
19. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznyh let : sbornik* [Works and reflections of different years : collection] / Martin Heidegger ; translated from German., comp., introd. article and comments by A. V. Mihailov. M. Gnosis. 1993. 333 p.
20. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoj doroge : izbr. st. pozd. perioda tvorchestva* [Conversation on a country road : selected articles of late period of creativity] / M. Heidegger. M. Vyssh. shk. 1991. 190 p.
21. Yampol'skaya A. *Iskusstvo fenomenologii* [The art of phenomenology]. M. RIPOL classic. 2018. 342 p.